

# Гусь-Хрустальный

*Брату.*

ЗА ДАЛЁКИМИ цепями-мостами,  
Где-то там, за километрами трассы,  
Где-то город есть такой — Гусь-Хрустальный,  
Город невообразимо прекрасный.

Там на веточке на каждой — звоночек  
С золотистой каймой или с белой.  
Там у каждого дитя позвоночник  
Из чистейшего хрусталика сделан.

Если я его найду в самом деле,  
Если лавки там ещё не закрыты,  
Я куплю тебе там крестик нательный,  
Чтоб ты больше не ходил беззащитным.



И СЧАСТЬЕ высохло, и музыка погасла,  
И ночь прошла, и день уже не тот.  
Лишь теплится окрашенное масло,  
И с ручки двери падает пальто.

И от лампадки блики по иконам,  
И ты в ночной рубашке босиком.

Ты молишься о чём-то незнакомом  
Чужим и непонятным языком.

В чужой стране, в чужой пустой каморке,  
Откуда мира тёмного не слышно.  
Вдруг под иконами открылась норка,  
И ты туда шагнула серой мышкой.

И смотришь, носик высунув немного,  
Как, грудь царапая, стоит немая,  
Бледнеет и о чём-то просит Бога.  
И плачет. А о чём просить — не знает.



Когда же люди спали, пришёл враг его и  
посеял между пшеницею плевелы и ушёл.

*Евангелие от Матфея, 13:25*

РАЗВЕЯЛИ по ветру семена,  
и не было таких семян дороже,  
их каждый сосчитал в морщинках кожи  
в тот день, когда закончилась война.

во всех ладонях, между всех обид  
они лежали грудкой бездыханной.  
и тосковали ветры Ханаана  
об этих дивных зёрнах дорогих.

и тосковали земли Палестины.  
и тосковала я на дне Москвы.  
И я была распята паутиной.

там, далеко, над волнами Невы  
Храм на крови стоит, незримый Спас,  
Последний не тоскующий из нас.



**РОДНИК СКВОЗЬ** лёд пробился

В апреле — полынья.  
Над родником склонились  
Два друга — ты да я.  
Потрогали легонько:  
«Ай, страшно холодна!»  
Попробовали — горько.  
Но выпили до дна.

Потом детей родили,  
Порядком, чередой.  
И тихо их крестили  
Колодезной водой.  
И каждого купали,  
И каждый пить просил.  
Ты им с колодца «воду  
Особую» носил.

. . . . .

Я плакала от страха  
В предчувствии беды,  
А ты сказал мне: «Горько!» —  
И дал попить воды.  
Когда же мы простились —  
Пожатие руки...  
То из *твоей* могилы  
Забил родники!



**СВЕТ ТАНЦУЕТ**, и в синем кругу на столе

Разноцветные пляшут виденья,  
На белой спине —  
Радужной краскою  
Сны  
Нарисованы лёгкой рукой.

Стены движутся, песни поются,  
Откуда-то звуки как свет-  
Паузы-тени.  
Танцует на синем кругу  
На столе  
Светлая тень твоя.

Тонет мир в вдохновении.  
Пауза-свет-пауза-свет-  
Пауза-свет-паузы нет-  
Молния-крик-  
Смерть и любовь!

Воду разлить на полу,  
Чтоб в жару испарялась.  
Во сне увидеть тропический лес.  
Счастье-не жизнь, а самая малость-  
Виденье в рассветных лучах  
Кружится ещё на столе. Тс-с-с...

## Рождественская

**В ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ** воздухе —  
Предрождественском, праздничном —  
Замелькали фонарики-  
Сыплют звёзды с небес.

И ребята и девушки  
По дорожкам рассыпались  
И встревожили криками  
Белый сумрачный лес.

А в лесу синий дым летит,  
А в лесу пастухи идут,  
И звезда пахнет ладаном,  
В поднебесье висящая.

Дышит ночь суетой, весной,  
А в тиши, в глубине лесной  
Улыбается бледная  
Божья Матерь Скорбящая.

## Начало взрослой жизни

**ДРЕМЛЕТ ЦЕРКОВЬ** на пригорочке,  
С неба смотрят звёзды-точки.  
Чёрную сырую корочку  
Подарила мама дочке.

Целовала дочке волосы,  
Золочёный крестик вынула,  
Песню спела тонким голосом.  
Дочь уснула — мама сгнула.

Спать в канаве — эка гадость, но  
Звёзды, церковь есть и небушко.  
И лежать тепло и радостно,  
И хранить кусочек хлебушка.



КАК ВСХОДИЛО, поднималось солнце  
светлое,

Затемняло белу свечку воску ярого.  
Как входила в дом красавица молода жена,  
Затмевала сиротинку горемычную.  
Как у той у сиротинки косы русые,  
Очи синие, да руки были белые.  
А теперь-то белы рученьки полопались  
От работы да от горя горького.  
Как у молодой жены да очи чёрные,  
Кудри чёрные, да речи больно грубые.  
Как сама-то молода нраву пылкого,  
Ой, сожжёт она, сожжёт мого милого.  
Ничего-то от него не останется.  
Не лежать ему на белой моей груди,  
Не шептать ему слова мне утешные,  
Не назвать меня белой лебёдушкой.

Унесу я с собой во глубок омут  
Наши детские игры и радости.  
Ночи прежние да подарок твой —  
Синего камня мои бусики.

Для чего ж ты меня, матушка, со стороны взяла?  
Лучше б было мне на улице издохнути.

## Радар

Я СЛЫШУ МЫСЛИ умирающих людей.  
От этого страшнее жить на свете.  
Но сколько радужных сомнений и надежд  
Мне удалось спасти от смерти!

Я каждой ночью поздней как радар  
В полусознании-полусне  
Воспринимаю, как должный дар,  
То, что сначала шло не мне.

Я иногда на тех же частотах  
С надеждой посылала слово SOS —  
В ответ приходит только кваканье с болот  
И шум берёз.



ЧТО ТЫ ПИШЕШЬ дату создания?  
Они созданы до тебя,  
Голубенькие лёгкие создания,  
Похожие на голубят.

И не ставь под строчками имени,  
Они сами нашли твоё имя,  
По пути не встретились с другими,  
И ты теперь в долгу перед ними.

А раскрой глаза и впитывай  
То, что тебе из чаши винной  
Сочится из хрусталя разбитого,  
Из книги голубиной.

## Роман

А.С

Я ЗАБРЫЗГАЛАСЬ росой  
С ног до головы.  
Он набрал в лесу звездчатки,  
Ландышей для мамы.  
Мы весь день играли в прятки  
В зарослях травы.  
Он замёрз — но он упрямый,  
И идёт босой.

Мне же он — не разрешает  
Босиком ходить по лужам.  
Он себя считает мужем —  
Я его считаю мужем.  
Он себя считает другом —  
Я его считаю другом.



ПОДМОСКОВНАЯ зима, ночь.  
Я от станции иду прочь.  
Звёзды светят, фонари — нет,  
Путь теперь лежит на тот свет.

Я прозрачен и как снег бел.  
Что мне с этого, раз я цел?  
Ну, а тело там лежит? Пусть.  
Ты не плачь, она вредит — грусть.

Ты не плачь над телом — пусть, кинь.  
Я давно ему сказал «сгинь»,  
Я давно мечтал таким стать —  
Так, ведь правда, легче летать.

Не забудь поставить свечу —  
Я ведь рядом, просто молчу.  
Только на день ухожу прочь.  
Но над станцией пока ночь.